

УДК 326.3

Л. А. ГУЦАЛЕНКО,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИАЛЬНОЕ КЛОНИРОВАНИЕ: ЕЩЕ ОДИН НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ «СПУТНИК» ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Впервые рассматривается такая негативная сторона деятельности человека, которая условно названа «социальным клонированием». По аналогии с генетическим клонированием речь идет о людях, стихийно или сознательно ограничивающих свою жизнедеятельность в основном биологическими потребностями, исключая какое-либо социальное творчество, инновирование. Раскрываются социальные, индивидуальные и институциональные формы происхождения и функционирования клоноподобных индивидов.

Ключевые слова: человек, личность, индивидуальность, социальное клонирование, клоноподобный индивид.

It is a first try to consider a negative side of human activities which is conditionally called «social cloning». By analogy with genetic cloning it means people who spontaneously or consciously limit their life activities basically by biological needs, excluding any social creative and innovative work. The social, individual and institutional forms of appearance and functioning of clon-like individuals are revealed.

Key word: person, personality, individuality, social cloning, clon-like individual.

Введение

Нынешний век, как и каждый предыдущий, начался не только с надежд, но и тревожных предостережений. Материала для самоуничтожения человека накопилось так много, что ученые заговорили о возможном преемнике *homo sapiens*. Среди его вариантов: киборг – гибрид человеческого тела и искусственных механизмов, что-то вроде оживленного компьютера; мутант – превышение критической доли генетического материала человека; клон – точная генетическая копия иного человеческого механизма¹.

Примечательно, что один из первых исследователей угрозы самоуничтожения человека Ф. Фукуяма категорически высказался именно о варианте клона. «Есть вещи, – отмечал ученый, – которые должны быть запрещены безоговорочно. Одна из них – репродуктивное клонирование с намерением создать ребенка»². Запретить создание столь одиозного двойника человеческого существа можно, хотя «пробирочно-колбочные» эксперименты с деторождением уже подошли к той черте, когда дельцы, охочие иметь дармовую рабсилу, вполне могут найти способ тайно наладить ее производство. Но как запретить существующее веками и передающееся не по генетической, а социальной программе социальное клонирование?

Иночеловек лишь телесно копирует разумное существо, но сам начисто лишен разума и способен лишь на потребительское отношение к социуму

и дублирование хищнических повадок «братьев наших меньших». Не случайно Н. А. Бердяев предостерегал: «Ужасен не зверь, а человек, ставший зверем»³. Между тем нами символ клона выделен прежде всего как антипод человека, олицетворяющий все проявления индивида и его деятельности, лишённые какого-либо творческого начала, количественно-механическое тиражирование того, что было, есть и будет и захламляет маршруты истории, бесконечное повторение негативных акций. Тем самым клоноподобные индивиды постоянно воздвигают преграды на пути прогресса. Социальное клонирование и социальная энтропия – близнецы ограничивающие свои жизненные силы, потребности, деятельность в основном лишь телесно-генетическим родством с человечеством. Причем из своего генетического кода они наследуют преимущественно приобретательские наклонности, функции самосохранения, а не саморазвития, игнорируя задатки социо- и культуротворческого, ценностного, этического порядка. Элементы социального опыта они усваивают в той части, которая помогает им имитировать социальность и обслуживать их физиологические нужды. Возможно, некоторые из них не изначально, сознательно избрали эту разновидность социальной роли «маленького», ни за что не отвечающего человека. Иногда те или иные части государственного механизма, пораженные коррозией бюрократизма, могут «помочь» индивиду опуститься в категорию маргиналов. Однако отсутствие чиновничьей ответственности за судьбу человека не снимает, а, наоборот, должно стимулировать повышение социального иммунитета тем, кто обойден вниманием уполномоченных официальных служб.

Среди социально-философских истин, подлежащих сегодня кардинальному переосмыслению, находится и важная идея о центрированной, определяющей роли человека в конструировании социальной реальности (П. Бергер, Т. Лукман). Неумолимый закон диалектики о движении космического и социального бытия через противостояние и единство противоположностей вынуждают нас признать эту роль не только в достижениях прогресса. Продукция «Генерального Конструктора» не всегда обстоятельно просчитывается в замысле, исполнении, особенно в правилах безопасной эксплуатации артефактов. И мы имеем то Чернобыль, то хранилища многотонных отходов АЭС, на многие десятилетия лидирующие по опасности свалок всех видов, то мировой финансово-экономический кризис, то «Арабскую весну», подарившую Северную Африку исламистам. Фанатики добрались до складов химического оружия. Того и гляди «клон» доберется до атомного оружия. Тогда уже поздно будет рассуждать об экологической несостоятельности планеты, невозможности жизни на ней.

Решающая же роль в конструировании социального мирового пространства сегодня логично должна дополняться такой же ролью человека в назревшей реконструкции, иными словами, модернизации мирового порядка. Причем эта роль репрезентируется и на все созданные людьми социальные институты, регулирующие локальное и глобальное, общепланетарное пространство, вплоть до Организации Объединенных Наций. Она сегодня демонстрирует явную неспособность справляться со своей миссией.

Еще в большей степени, чем к организации и деятельности коллективных социальных субъектов, человек причастен к субъектам индивидуальным. Таким образом, за человеком остается роль основного источника происхождения и существования всех разновидностей социальных клонов. Отсюда вытекает и соответствующая ответственность. Разумеется, указанная роль проявляется у людей не в равной степени, не автоматически. Она связана с особенностями их свойств, местом, временем и обстоятельствами формирования и деятельности.

Проследим каналы образования клоноподобных индивидов, их характерные черты, особенности и результаты функционирования в реальности современного мира и поищем альтернативы этому далеко не безвредному, но

пока что неизбежному спутнику человеческой истории. Многие определения, связанные с данной проблематикой, могут носить метафорический, условный характер, поскольку данная тема затрагивается впервые и поэтому еще не обрела терминологическую «оснастку».

1. Когда социализация превращается в питомник социального клонирования личности

Некоторые артефакты гносеологически и онтологически нами часто воспринимаются как аксиомы, хотя на деле порой далеки от жизне- и правдоподобия, не говоря уже об истине. Взять хотя бы хрестоматийное суждение: «люди рождаются человеком, а личностью становятся». Однако личностный субъект еще не гарантирует социум от социального клонирования. Известный авторитет в области исследования личностно-индивидуальной проблематики И. И. Резвицкий считал, что понятия «личность», особенно «социальный тип личности», – такая же абстракция в социологии, как понятие «человек» в философии. Центром, ядром личности, по его разумению, является именно индивидуальность. Ей присущи обособленность, самобытность, неповторимость, активность⁴. Именно эти субстраты-атрибуты в их экзистенциальной интенции помогают человеку наполнять личную и общественную жизнь своеобразием, разнообразием, новизной, продуцированием более совершенных форм динамики бытия. Что до увлеченности некоторых философов и социологов типизацией, массовизацией людей, то в теории это выглядит как нечто закономерное, а в жизни – слияние всех словно в муравейнике, «на одно лицо», повторение одних и тех же телодвижений «под копирку», количественное дублирование того, что было, есть и будет, без качественного обновления людей и их мира.

А теперь посмотрим, может ли социализация, т. е. основной способ формирования человека как личности, индивидуальности, взять на себя роль продолжателя миссии предыдущих поколений по социотворению, социоразвитию субъекта локального, регионального и мирового сообщества. Возможно, типизированную, стереотипизированную массовидную особь пассивно-клонированного образца социализация в традиционном ее виде, особенно на постсоветском пространстве, действительно формирует. Но не более. Ведь не устранена опасность конвейерного воспроизводства типажей безвольных, безынициативных, способных действовать лишь под нажимом, по команде, что особенно характерно для социальных клонов. Так, в семье, где закладываются основы социального развития человека, этот процесс часто сопровождается насилием. По сведениям И. С. Кона, в 2007 г. было опрошено 575 взрослых жителей Владивостока. Половина матерей признались в применении к детям телесных наказаний. Год спустя опрос повторили. Только 30 % респондентов считают телесные наказания недопустимыми. Межпоколенческая эстафета социального насилия «будет продолжаться, поскольку государство стремится не столько обуздать насилие, сколько монополизировать его»⁵. Силовые методы, помимо муштровки, формирования роботизированных безвольных исполнителей команд, проектов, опасны пополнением числа озлобленных, душевно черствых молодчиков.

Авторы, исследующие деятельность родителей по отношению к детям, отмечают фанатическое стремление полностью уподобить, т. е. фактически клонировать ребенка во что бы то ни стало, «сделать того, кто вам так дорог, очень похожим на вас, истребив отличия, приспособив «под себя», «или разрушить». Но «копия себя» (Клон – Л. Г.) нежелательна еще тем, что далеко не всегда «мы сами... само совершенство»⁶.

Физическое и психическое насилие, практикуемое на этапе семейной социализации личности, обедняя ее волевой, творческий, эмоциональный, нравственный арсенал, нередко направляет его в русло авторитарного образа мышления и поведения. Он будет «давить», подавляя других, как это

делают с ним. Разновидность такого индивида получила классическое исследование в творчестве Т. Адорно. Клон авторитаризма в своем абсолютном варианте характеризуется следующим образом: «Этот опрошенный был сломлен отцом, который слишком старался “подчинить его себе”»⁷. Такое откровенное клонирование себе подобных и привело к абсолютно точному воспроизводству человека с авторитарным синдромом, одна из ведущих черт которого – безропотно и даже с удовольствием подчиняться более сильному и в таком же стиле подчинять более слабого.

Кстати, клонирование как бесцеремонное навязывание своей жертве социального (вернее, асоциального) стереотипа характера и поведения одного человека другому, как механизм социализации, в свое время отметил выдающийся классик социального учения о личности Ральф Линтон. Он критически оценивал распространенные в обществе способы формирования личности, которую буквально ловят на «крючок социализации». «О личных склонностях человека, – подчеркивал исследователь, – можно узнать не по его реакциям в пределах культурного стереотипа, а по отклонениям от них. Пока психолог ориентируется на нормы поведения, навязанные обществом, и рассматривает их как личностные характеристики, он не проникает за фасад социального конформизма и культурной однородности и не поймет, что такое истинная личность»⁸.

Впрочем, все имеет свою противоположность, в том числе и семейное насилие. Ненасилие может реализовываться в русле демократического, гуманного контакта родителей с детьми. То есть такого их взаимодействия, когда личный и общественный опыт ориентации в жизни и ее обновления передается детям с долей родительской дидактики, терпеливости и уважения к ребенку. А может протекать в ином русле – полного равнодушия к положению, состоянию и развитию малыша. В данном случае дети лишены не только возможности получать от взрослых адаптированные, но вполне качественные дозы социального опыта – знания, навыки, нормы и ценности. Вместо этого они рано начинают ощущать такие комплексы, как «если я не нужен родителям, то не нужен никому», «старайся – не старайся, все равно никто не оценит, не похвалит». Появляется чувство заброшенности, никчемности, неполноценности. Это благоприятная психологическая среда для формирования клонировочного типа социально-психологической пассивности.

К нему примыкает индивид, детство которого прошло в атмосфере «пустительского стиля» семейной социализации. Предоставленный сам себе «отпрыск» чаще всего склонен воспринимать от сверстников и взрослых не столько положительные, сколько девиантно-негативные свойства. Отсутствие же опыта и навыков повседневного общения и поведения «на выходе» дает беспомощного, обреченного на стихийное плавание в океане жизни неудачника. Его основные черты: чувство страха, неуверенности, особенно когда от него требуется поступать самостоятельно⁹.

К этому типу близок индивид, детство которого прошло в рамках опекающего стиля семейного воспитания. Помимо беспомощности, для него характерны тревожность, запоздалая социальная зрелость¹⁰. Это и понятно, поскольку многое в жизненной стратегии приходится постигать без стартовой социализационной подготовки.

Как обычно, семейная социализация не столько продолжается, сколько во многом по-новому конструируется в школьный и вузовский периоды. Принципиально ново здесь то обстоятельство, что молодой человек в отличие от семейной, основанной преимущественно на родственных связях, оказывается в зоне институционально регламентируемой социализации. Она снизу доверху организуется и регулируется определенными государственными органами и официальными социальными агентами. В отличие от индивидуально-неформально задаваемых родителями норм жизнеориентации и жизнедеятельности, агенты образовательной социализации исходят из

официально утвержденных стандартов. Последние заключают в себе как положительные, так и негативные моменты, если их оценивать с точки зрения опасности допущения социального клонирования. Во-первых, сами агенты образовательного процесса далеко не в равной степени «вакцинированы» против «клонировочного вируса» в своем образе мышления и деятельности. Во-вторых, стандарты, как правило, действуют несколько лет. Тогда как педагогическая практика меняется, варьируется вместе с изменениями: 1) в самой личности обучаемого, 2) в личности обучающего, 3) в социальной макро- и микросреде, в которых пребывают оба. Если на календаре сегодня, допустим, среда, то одно, другое и третье попросту не может функционировать по обстоятельствам вторника, а тем более среды предыдущей недели. Здесь гераклитовские законы «все течет, все меняется», «в одну реку невозможно войти дважды» действуют с ярко выраженной антиклонировочной неотвратимостью. Однако не все субъекты школы и вуза в состоянии ее соблюдать.

Разумеется, хорошо продуманная стратегия образовательного стандарта – важнейшее средство повышения качества образования в современной ситуации, когда требования к его качеству постоянно возрастают. В частности, по мнению Е. И. Дмитриева, это возможно при наличии системного подхода к внедрению системы менеджмента качества (СМК) на основе стандарта серии ИСО (международная организация по стандартизации). Постоянный контроль за ходом и состоянием образовательного процесса носит не карательный, а диагностический характер. На первом месте предусматривается преимущество перед конкурентами, на втором – требования потребителей, т. е. востребованности качества знаний и навыков выпускников вуза. Все служит основной цели – превращению вуза в инновационное учебное заведение¹¹. Речь, таким образом, идет о подготовке специалистов, predisположенных как к творческому применению существующих передовых методов деятельности, так и к поиску новых, более продуктивных.

Автор указывает и на недостатки стандартов образовательной социализации. В соответствии с ними образовательный процесс, особенно по части сертификации вуза, «в большей степени связан с внутренними процедурами, нежели с маркетингом и совершенствованием качества выпускников; вузы становятся более бюрократическими; ректорат сосредоточивается исключительно на себе и ставит себя в центр всего образовательного процесса...»¹²

Вряд ли способствуют оперативному реагированию вузовского сообщества на происходящие в мире перманентные изменения такие, например, ограничения: «Вузы не имеют права самостоятельно разрабатывать и вносить изменения в систему стандартов, в том числе в образовательные стандарты специальностей и квалификаций»¹³. В таких условиях нелегко учитывать в учебных программах вузов предложения их предполагаемых партнеров в лице крупных современных кампаний, фирм по подготовке для них конкурентоспособных специалистов в соответствии с новыми требованиями, профилем и т. д. «Клонированные» на традиционных устаревших профессиях и функциях специалисты и жесткие правила конкуренции в ее, так сказать, инновационной «ненасытности» – вещи несовместимые. Конкуренция – это не сохранение достигнутого, а упреждение соперника в предложениях потребителю принципиально новых брендов.

Характерные признаки клонированного субъекта – инерционность мышления и поведения, примирение с рутинной социальной ситуацией – естественно, отличают не только многих тех, кто регулирует и реализует образовательную социализацию, но и тех, кто испытывает на себе эти рудименты торможения, застоя. Причем социальная инфантильность значительной части белорусской студенческой молодежи одинаково распространяется как на гражданскую, так и на учебную сферу деятельности. Об этом свидетельствует следующее «внутреннее» наблюдение студентки. «Современный студент ходит на выборы с мыслью о предстоящей сессии или о

недописанной курсовой, говорит, что система образования плохая и вообще ему не нравится, но продолжает безропотно следовать ей, даже не задумываясь о том, что ее можно было бы сделать лучше. Огромное количество молодых людей, когда их что-то не устраивает на родине, предпочитают уехать за границу. Сегодняшний студент завтра будет принимать решения. Причем решать и за тех, кто сегодня отказался от своей активности»¹⁴.

Таким образом, печальная эстафета социального клонирования оставляет весьма слабую надежду на оздоровление системы высшего образования в Беларуси. Пока что она находится в стороне от Болонского процесса, который предусматривает в рамках академической свободы преподавательского и студенческого состава вузов также и определенную их ответственность за это благо творческого обновления себя и окружающего мира.

2. Тупиковая преемственность

Сама социализация подчиняется всеобщим закономерностям, таким, например, как прерывность (дискретность) и непрерывность (в основном преемственность) развития природного и социального мира. Стихийность, как правило, исключает сознательное регулирование процессов, во втором, даже в социальном варианте сознание не всегда способно подчинить себе стихийные элементы исторической преемственности. Более того, иногда субъекты сознания могут совершенно осмысленно дублировать разрушительные природные механизмы. Так, тысячи веков назад в результате извержения вулкана погиб прекрасный город Помпеи. А в середине прошлого века человек посредством атомного бомбометания в считанные минуты уничтожил сотни тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки, а также материально-культурные ценности этих японских городов.

Как видно, прошедшие тысячелетия, несмотря на внушительные обретения культуры, не предотвратили абсолютное уподобление человеческого зла природному. Угроза применения военных средств, по своей разрушительной мощи даже превосходящих природные катаклизмы, не уменьшается, а возрастает. Доктор исторических наук, профессор В. И. Дашичев свою статью так и озаглавил: «XXI век будет самый опасный со времен рождения Христа»¹⁵. Кстати, эти слова принадлежат бывшему канцлеру Германии Г. Шмидту. Парадоксально, однако он их произнес после окончания «холодной войны». Проницательный политик понимал, что политические элиты, противостоящие одна другой в разных частях Земли, вряд ли прекратят опасную игру в «превосходство». В самом деле, для фанатиков клонировочного толка, будь то экономические, политические или религиозные доктрины, нет предела агрессивности.

Любая элита, соответствующая упомянутым здесь профилям клонов, выражает соответствующие им социальные институты. Однако в действительности не столько элиты организуются в институциональные структуры сами по себе, сколько массовый, коллективный субъект. Тот субъект, который функционирует как традиционные институты управления, как рынок труда, производства, власти, рынок потребления, рынок результатов электоральной деятельности и т. д. В марксистской версии это квалифицировалось как «народные массы», «народ – творец истории», «закон возрастания роли народных масс в истории». Правда, ныне, в чем-то, возможно, и справедливо фиксируется «возрастающая роль в истории» также индивидуального субъекта. Не столько самостоятельного, творческого, активного, креативного, сколько его антипода – стереотипного, безответственного, деструктивного.

Если пассионарный субъект представляет преемственность прогрессивную, то клонированный – регрессивную и даже тупиковую. Преемственность поколений, – отмечал в свое время И. С. Кон, всегда селективна (избирательна): одни знания, нормы и ценности прививаются и передаются следующим поколениям, другие, не соответствующие изменившимся условиям,

отвергаются или трансформируются¹⁶. Избирательное отношение к преемственным «запасам» социального опыта наиболее рельефно проявляется в нынешнее время. Происходит интенсивная, обширная, захватывающая большинство стран социальная трансформация глобализирующегося планетарного пространства. Веками накопившиеся традиции, противоречия, проблемы нередко вовлекают в водоворот событий такие социальные мутации, как родоплеменные древние разногласия в Африке и принесенный туда с Запада интернет. Революционные порывы молодежи, требующей социокультурного обновления жизни общества, фанатичные исламисты зачастую используют для архаичных форм социального клонирования: увековечения социального неравенства по признаку веры и пола. Наверное, с этой целью они возводят шариат на пьедестал конституционного права.

Так было всегда: одни политические силы, слои населения, используют преемственные процессы для укоренения социальных инноваций, другие – для укоренения отживших, но гарантирующих прежние социальные преимущества, нормы и ценности. Социальное клонирование всегда сопротивляется социальному инновированию. А иногда, при невозможности помешать ему, приспосабливает новые способы жизнедеятельности к обслуживанию старых, консервативных социальных институтов, структур, интересов. Эксперт, исследующий процессы социальной трансформации в постсоветской реальности, Томас Грэм отмечает, что после развала СССР Россия «совершила переход, но не к рыночной демократии, а, скорее, к традиционной, во многих отношениях досоветской “форме правления”... Новая Россия опускается все ниже в сравнении с ведущими странами мира по большинству аспектов могущества»¹⁷. Кардинальная модернизация страны еще ждет своей очереди¹⁸.

Российские авторы фиксируют моменты, свидетельствующие о непоследовательности, «откатах» в преемственности социодинамических процессов, характерных для современного Запада. Так, группа философов и социологов Российской академии наук считает, что крупный бизнес вдруг стал проявлять, мягко говоря, некоторую озабоченность переходом работника от традиционного в вебериянскому целерациональному типу. Оказывается, этот последний в обстановке отсутствия господства капитализма над общественной системой проявляет непослушание наемного работника, высокую степень автономности, ответственности, модульности, мобильности. Им становится невозможно манипулировать. Все это грозит снижением прибыльности производства, ограничивает власть корпорации, субъектов бизнеса. Отсюда, пусть пока что осторожные, однако настойчивые попытки упростить требования к уровню культуры, независимости работника, усреднить, противопоставить его универсальности омассовление и т. д.

Однако попытка сменить форму социальности в отношении к носителю трудовых и органически сопровождающих их социотворческих функций порождает встречный процесс. Речь идет не только о стремлении наемных работников сохранить обретенный, но и укрепить, повысить современный статус. Формируется новый человек, способный творить новую реальность, которая распространяется со среды производственной на микро- и макросоциальную. Такие люди изменяют не один, скажем, трудовой, а многие аспекты образа жизни в современном информационном обществе. Но, как указывают авторы, сугубо западное общество неспособно сформировать массовидный тип субъекта – носителя новой социальной реальности, отвечающей требованиям интернетовской современности. Условия эти образуются в недрах симбиоза Запад – Не Запад¹⁹.

Пожалуй, в таком будущем ареале обитания, где человек-инноватор будет количественно и, разумеется, качественно превосходить человеко-клона, найдется место и постсоветскому вектору всемирно-исторической преемственности, в том числе и людям Беларуси.

Однако это если и произойдет, то не в столь близком будущем. Обратимся к мнению профессора З. Т. Голенковой. Ее позиция по поводу взаимосвязи прошлого и будущего в любом субъекте – участнике процесса общеисторической преемственности отличается от той, которую мы характеризовали выше. Обычно считается, что в данном процессе одни люди отстаивают инновационное, а другие – консервативное начало в эволюции социальной системы. На этот раз предлагается, по-видимому, более верная точка зрения: противоположно направленные ценности могут существовать в одном и том же субъекте преемственного развития общества. «Человек двойственен: он несет и консервативное, чтобы сохранить достигнутое, и инновационное, чтобы улучшить, расширить, развить то, что достигнуто, накоплено... Он не хочет меняться, чтобы не нарушить порядок, стабильность, сложившееся благо, и одновременно хочет измениться, чтобы через поиск новизны модернизировать основания своей рефлексии, чтобы изменить представление о благе»²⁰.

Перед нами открывается сложная диалектическая рефлексия внешнего и внутреннего планов преемственности. В первом случае противостоят друг другу общественные силы, отстаивающие удовлетворяющий их статус-кво, и те, которые его отрицают, дабы занять благоприятную собственную социальную нишу. Во втором случае в самом человеке происходит напряженная внутренняя борьба: остановиться на достигнутом, сохранить его или приумножить. Это связано с риском в изменившихся условиях, при новом соотношении сил, возможностей, средств их достижения потерять приобретенное: статус, имущество, а в крайних случаях и жизнь. Еще больше риска при попытке добиться большего, здесь все неизведанное, вплоть до того, что нередко приходится меняться и самому, формировать новые представления, цели, навыки, способы деятельности и т. п., т. е. проходить весьма сложную стадию жизни: ресоциализацию.

Следовательно, преемственность, взятая как социальная трансформация, модернизация – всегда трудный выбор альтернатив: остаться на месте, более того, вернуться назад в худший вариант бытия, или мужественно шагнуть вперед, к новым реалиям, горизонтам. Автор и здесь видит своеобразные сложности восточнославянского, постсоветского менталитета.

При всех перипетиях ситуации в современном мире западному человеку легче совершить выбор вектора преемственного движения по историческому азимуту. «Западная культура впитала в себя все достижения социальности: смыслы частной собственности, права, индивидуальных социальных отношений личности, гражданского и потребительского общества, равенства возможностей, достижительности, рациональное мышление, желание и умение договариваться, ценности демократии и индивидуализма. В России культура почти не вобрала в себя демократические достижения российского общества, потому что эти начала чрезвычайно слабы в самом обществе...»²¹ Русскому человеку еще предстоит совершить мировоззренческий выбор между ценностями культуры (палеоархаики, соборно-авторитарной традиции) и ценностями модернизации: инновации общества, личности²².

Относительно специфики выбора вектора исторической преемственности субъектом белорусской ментальности все обстоит не менее, а еще более сложно, чем у его российского собрата. Общеизвестны такие черты белоруса, как толерантность с креном к терпеливости, весьма осторожное отношение к переменам. Разумеется, эти черты способствуют социальной стабильности. Однако стабильность без перемен в сторону позитивных изменений в нынешнем динамичном мире таит опасность отставания от тех, кто уйдет вперед и на много лет сделает нас аутсайдерами. Даже исключительная толерантность белорусов не позволит им примириться с такой ролью, тем более что историческая судьба их закалила для преодоления любых трудностей.

Этого социально-культурного ресурса достаточно у большинства тех людей и народов, которым в силу исторически сложившихся обстоятельств приходится преодолевать негативные последствия как собственных, так и чужих не вполне удачных социальных действий.

Большинство членов общества, по справедливому замечанию уже упоминавшегося нами видного культурного антрополога Р. Линтона, «ориентировано скорее на поддержание стабильности...»²³ Социокультурные паттерны (образцы), безусловно, нужны. Без них трудно обеспечить стабильность в обществе, единство и солидарность его членов. Но было бы большой ошибкой и общества и личности абсолютизировать эти паттерны и невольно превратиться в производных от них клонов, способных лишь повторять пройденное и беспомощных что-либо изменить в ответ на новые вызовы истории.

Отсюда и двойственность роли индивида во взаимоотношениях с обществом, его социальными институтами. В ситуациях, обеспечивающих нормальное развитие общества, индивид за стабильность. Однако это не значит полного слияния с ними, превращение в «клона» потребительского благополучия. Социализация не должна никого клонировать. «Каким успешным не было обучение индивида, как бы ни проходило его приспособление, индивид останется самостоятельным организмом, со своими потребностями, чувствами, действиями и способностью к мышлению. Уникальная способность нашего вида приспособляться к меняющимся условиям... основана на том остатке индивидуальности, который сохраняется у каждого из нас после того, как общество и культура нас сформировали»²⁴.

История на примере социализации антидемократического характера фашистского толка знает губительные последствия клонирования человека. Когда Гитлер приказывал миллионам солдат убивать, притом не только вооруженного противника, но ни в чем не повинных людей, не исключая женщин, детей, стариков, часто лишь за их этническую принадлежность, они убивали. Какие у клона могут быть душа, сострадание?

Вместе с тем стоит уточнить: Р. Линтон писал цитируемую здесь работу в 1945 г., и, надо полагать, считал, что даже тоталитарный характер социализации не может у всех, кто подвергается жесткому клонированию, полностью вытравить человеческое начало. Поэтому и на германском фронте, и в тылу действовали антифашисты. Этот пример, хотя и косвенно, свидетельствует о том, что человек и социальные институты обычно взаимно воспроизводят друг друга, однако личностные константы полностью во всех случаях не могут раствориться в социально-институциональной матрице. «Каким бы губительным для общества не было существование какого-либо института», все-таки находятся граждане, отважившиеся на его изменение²⁵.

Стоит оговориться, что социальная стабильность, обеспечиваемая социальными институтами-долгожителями, не всегда означает социальное клонирование, историческое торможение, замораживание социума и его субъектов. Например, в Великобритании королевская монархия существует многие сотни лет, а одна лишь Королева Елизавета II правит уже почти 60 лет. Однако в Англии вряд ли сыщешь человека, который бы требовал отменить столь «древний» социальный институт власти. Почему? Потому что правление Королевы зиждется на социокультурных традициях авторитета духовности и свободы. Современная история дает нам и положительные и негативные примеры двойственности как субъекта (его интерес к сохранению и изменению статус-кво), так и созданных им социальных институтов (сохранению и изменению традиций прошлого, достижения настоящего и будущего).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

¹ См.: Хоружий С. С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергической антропологии // *Философские науки*. 2008. № 2. С. 21, 22.

- ² Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004. С. 332.
- ³ Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М., 2011. С. 446.
- ⁴ См.: Резвицкий И. И. Личность. Индивидуальность. Общество: проблема индивидуализации и ее социально-философский смысл. М., 1984. С. 33.
- ⁵ См.: Кон И. С. Телесные наказания в советской и постсоветской России (из последней, готовящейся к изданию книги «Бить или не бить?») // Общественные науки и современность. 2012. № 3. С. 127, 128.
- ⁶ Молодик И. Ю. Современные дети и их несовременные родители, или о том, в чем так непросто признаться. М., 2012. С. 25.
- ⁷ Адорно Т. Исследование авторитарной личности / пер. с нем. М., 2012. С. 278.
- ⁸ Линтон Р. Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 1 (7). С. 85, 86.
- ⁹ См.: Ярцев Д. В. Особенности социализации современного подростка // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 54–58.
- ¹⁰ См.: Мардахеев Л. В. Социальная педагогика: учебник. М., 2005.
- ¹¹ См.: Дмитриев Е. И. Азбука менеджмента качества в вузе: учеб.-метод. пособие. Минск, 2010.
- ¹² Там же. С. 54.
- ¹³ Там же. С. 61.
- ¹⁴ Милова Е. Кто, если не мы? // Социальный мир: роль молодежи в решении проблем XXI века: материалы V Междунар. студенческой конф. (24 апреля 2008 г., г. Минск). Минск, 2009. С. 27, 28.
- ¹⁵ См.: Дашичев В. И. XXI будет самым опасным со времен рождения Христа // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 1. С. 3.
- ¹⁶ См.: Кон И. С. Психология юношеского возраста. М., 1979.
- ¹⁷ Грэм Т. Россия: упадок и неопределенные перспективы возрождения. М., 2007. С. 110, 111.
- ¹⁸ Там же. С. 120.
- ¹⁹ См.: Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Меняющаяся социальность: будущее капитализма // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 49–53.
- ²⁰ Голенкова З. Т. Интервью. Социология сегодня: методологический тупик или новый Ренессанс // Философские науки. 2011. № 5. С. 149, 150.
- ²¹ Там же. С. 153.
- ²² Там же.
- ²³ Линтон Р. Указ. соч. С. 84.
- ²⁴ Там же. С. 83.
- ²⁵ Там же. С. 83, 84.

Поступила в редакцию: 21.05.13.